

УДК 341.161
DOI: 10.26140/bg23-2020-0903-0098

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОГОВОРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2020
SPIN: 7526-7533
AuthorID: 781451
ORCID: 0000-0002-2716-9282
ScopusID: 57203318474

Шайдуллина Венера Камилевна, кандидат юридических наук, доцент, Директор Центра исследований и экспертиз Департамента правового регулирования экономической деятельности

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125468, Россия, Москва, улица Ленинградский проспект, 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)*

Аннотация. Цель: определить основные тенденции трансформации договорного права в условиях изменения законодательства, регулирующего отношения в условиях цифровизации экономики. Методы: диалектический метод познания договорных отношений, включающий в себя анализ основных тенденций трансформации института договора в условиях цифровизации. Использование диалектического подхода также заключается в применении формально-юридического и сравнительно-правового методов. Результаты: в настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты совершенствования гражданского российского законодательства о форме сделки. Обращается внимание на сходство подходов, воспринятых российским законодателем, с положениями международных документов (Конвенция ООН от 2005 г. «Об использовании электронных сообщений в международных договорах; Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле»). Проводится краткий обзор Закона № 34-ФЗ от 18.03.2019 г. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». В результате исследования сделан вывод, что изменение требований к форме договора предполагает два варианта письменной формы (обмен документами; один документ, подписанный сторонами) и две базовые фикции такой формы (совершение электронной сделки; акцепт действием на письменную форму). Отмечается, что изменение гражданского законодательства Российской Федерации о форме сделки было обусловлено реализацией федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Были сделаны выводы, что по итогам проведенных изменений гражданского законодательства о письменной форме сделки предусмотрено две ее вариации (обмен документами и один документ, подписанный сторонами), а также две основные фикции письменной формы (совершение сделки при помощи технических или электронных средств; акцепт действием на письменную оферту). Научная новизна: в настоящей статье впервые комплексно рассмотрены основные тенденции трансформации договорного права не только с позиций его формы, но и с точки зрения его содержания. Практическая значимость: основные результаты исследования могут быть использованы при развитии доктрины гражданского права в условиях цифровизации экономики, а также при внесении изменений в гражданское законодательство, регулирующее договорные отношения.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, сделка, договор, акцепт, оферта, электронное сообщение, электронная форма, письменная форма, форма сделки, фикция письменной формы.

TRANSFORMATION OF CONTRACT LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

© 2020

Shaydullina Venera Kamilevna, candidate of juridical sciences, assistant professor, Director of the Center of Research and Expertise of the Department of legal regulation of economic activity

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(445020, Russia, Moscow, Leningrad Avenue 49, e-mail: vk.shaydullina@gmail.com)*

Abstract. Purpose: to identify the main trends in the transformation of contract law in the context of changes in legislation governing relations in the context of the digitalization of the economy. Methods: the dialectical method of cognition of contractual relations, including an analysis of the main trends in the transformation of the institution of the contract in the context of digitalization. The use of the dialectical approach also consists in the application of formal legal and comparative legal methods. Results: this article discusses key aspects of improving Russian civil law on the form of a transaction. Attention is drawn to the similarity of the approaches adopted by the Russian legislator with the provisions of international documents (UN Convention of 2005 on the Use of Electronic Communications in International Contracts; UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce). A brief review of Act №34-FZ of March 18, 2019 "On Amendments to Parts One, Two and Section 1124 of the Third Part of the Civil Code of the Russian Federation" is being carried out. Because of the study, it was concluded that changing the requirements for the form of the contract involves two versions of the written form (exchange of documents; one document signed by the parties) and two basic fictions of this form (electronic transaction; acceptance by written action). It is noted that the change in the civil legislation of the Russian Federation on the form of the transaction was due to the implementation of the federal project "Normative regulation of the digital environment" in the framework of the national program "Digital Economy of the Russian Federation". It was concluded that, based on the results of the changes in civil legislation on the written form of the transaction, two variations are provided for it (exchange of documents and one document signed by the parties), as well as two main fictitious forms of writing (transaction using technical or electronic means; acceptance by written offer). Scientific novelty: this article is the first to comprehensively consider the main trends in the transformation of contract law, not only from the standpoint of its form, but also in terms of its content. Practical relevance: the main results of the study can be used to develop the doctrine of civil law in the context of the digitalization of the economy, as well as to amend the civil law governing contractual relations.

Keywords: digital economy, digital technologies, transaction, contract, acceptance, offer, electronic message, electronic form, writing, transaction form, writing fiction.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Стремительное развитие современных технологий, основанных на информационных новациях (технология распределенного реестра, смарт-контракты и пр.), сопровождается коренными изменениями во всех сферах жизни

общества. Этот факт должен учитываться в процессе законотворчества и в правоприменительной деятельности. Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в социальной сфере и экономике – одна из приоритетных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года (п. 1 Указа Президента РФ № 204 от 07.05.2018 года «О национальных целях и стратеги-

ческих задачах развития РФ на период до 2024 года»). В соответствии с абз. 1 пп. «б» п. 11 данного Указа Правительство РФ и органы государственной власти субъектов РФ должны сформировать систему правового регулирования цифровой экономики и внедрить гражданский оборот, основанный на цифровых технологиях. Новая система правового регулирования должна основываться на гибком подходе в каждой сфере [1]. Таким образом, актуальной проблемой в настоящее время является формирование системы правового регулирования, способствующей развитию цифровой экономики в Российской Федерации.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. По настоящей проблематике имеются отдельные научно-правовые исследования, в особенности, посвященные институту договора в условиях цифровизации (например, работы Камалин В.М. [7], Новикова Р.В. [9], Сафаргалеева Л.И. [10], Шапсуговой М.Д. [11], Юламановой А.А. [12] и пр.). Тем не менее, настоящие исследования не затрагивают вопросов цифровизации целой правовой подотрасли – договорного права.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Целью настоящей статьи является определение основных тенденций по трансформации договорного права в условиях цифровизации экономики.

Постановка задания. Цель предопределила следующие задачи исследования: 1) проанализировать с правовой точки зрения внесенные в гражданское законодательство изменения в части договорного регулирования, трансформирующегося в условиях цифровизации экономики; 2) сравнить институт смарт-контрактов с существующими институтами электронных сделок, автоматизированных сделок, регулируемых международным законодательством; 3) рассмотреть основные модели автоматизированных сделок, применяемых в деловой практике; 4) выявить логику правовых изменений законодателя и сравнить с тенденциями трансформации договорного права.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. При написании данного исследования был использован диалектический метод познания договорных отношений, включающий в себя анализ основных тенденций трансформации института договора в условиях цифровизации. Использование диалектического подхода также заключается в применении формально-юридического и сравнительно-правового методов при анализе международно-правовых актов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» предусматривает поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив по снятию барьеров, которые препятствуют развитию цифровой экономики. Кроме того, в рамках реализации данного федерального проекта планируется создать благоприятное правовое поле для реализации проектов цифровизации в российской юрисдикции.

Параллельно ведется работа над концептуальными актами, призванными обеспечить возможности для создания новой, более эффективной системы управления новациями, в т. ч. посредством развития регуляторных песочниц, а также площадок для организационного и технологического пилотирования новых цифровых технологий [2].

В федеральном проекте (п. 1.3) обращается внимание на необходимость принятия федерального закона, которым будет предусматриваться регулирование статуса сделок, совершаемых в письменной (электронной) форме, а также статуса самоисполняемых (автоматизи-

рованных) договоров. В п. 1.4 федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» обращается внимание на необходимость разработки и принятия федерального закона, в котором будет уточнено понятие «электронный документ», определены процедуры хранения документов (в т. ч. электронных), а также процедуры хранения и использования электронных документов (образа) документов.

Для реализации указанного федерального проекта необходимо было пересмотреть и изменить некоторые классические положения Гражданского Кодекса РФ, в т. ч. о форме сделки.

В соответствии с действующим гражданским законодательством, заключение договора в письменной форме осуществляется двумя способами: путем обмена документами (телеграммами, письмами, телефаксами, электронными документами) и путем составления одного документа, подписываемого сторонами (п. 2 ст. 434 ГК РФ).

Следует отметить, что ГК РФ не устанавливает обязанности сторон по использованию при заключении договоров в электронной форме каких-либо определенных технических устройств или информационных технологий. Виды применяемых технических устройств и информационных технологий определяются сторонами на свое усмотрение. К примеру, они могут быть согласованы в рамочном договоре, заключенном сторонами, устанавливающим условия и порядок заключения соглашений в электронной форме.

В п. 3 ст. 434 ГК РФ закреплена общая фикция письменной формы. Она будет считаться соблюденной, если письменное предложение о заключении договора было принято путем совершения стороной, получившей оферту, действий по исполнению указанных в ней условий договора (уплата определенной суммы; выполнение работы; оказание услуги; отгрузка товара), если что-либо иное не предусматривается законом, иными нормативно-правовыми актами или не указано непосредственно в оферте (п. 3 ст. 438 ГК РФ). Эволюция формы сделок обуславливается тем, что в современной практике многие договоры уже давно заключаются через интернет (посредством электронной почты или интернет-сайтов). Заключение договора с помощью электронной почты соответствует предусматриваемому законом механизму «обмена документами», представляя собой способ заключения договора в письменной форме. Заключение договоров через интернет-сайты имеет некоторые особенности. В данном случае используется два варианта заключения договоров:

1. Click-wrap. Пользователь может предварительно ознакомиться с условиями договора и при согласии с ними, кликнуть на соответствующую кнопку («Принимаю условия», «Я согласен» и т. д.).

2. Browse-wrap (web-wrap). Пользователю предоставляется возможность перейти по гиперссылке и ознакомиться с условиями. Или же на мониторе высвечивается надпись о том, что, продолжая пользоваться данным интернет-сайтом, он принимает условия соглашения. В данном случае пользователь не выражает согласия с условиями в явной форме.

Если в договоре не указано что-либо иное, то местом заключения договора, оформленного посредством сети интернет, будет считаться место нахождения или жительства субъекта, которым была направлена оферта, то есть предложение о заключении договора (ст. 444 ГК РФ).

Отечественные исследователи придерживаются разного мнения по поводу соответствия соглашений «click-wrap» требованию о письменной форме сделки. Так, к примеру, Витко В.С. говорит об отсутствии такого соответствия. Свою точку зрения он аргументирует ссылкой на действовавшую ранее редакцию п. 3 ст. 1286 ГК РФ, где говорилось о возможности изложения договорных условий на экземпляре компьютерной программы

(в действующей редакции – п. 5 ст. 1286). Также Витко В.С. отмечает, что соглашение заключается не в порядке, предусмотримом п. 3 ст. 438 ГК РФ, поскольку в данном случае отсутствует письменное предложение правообладателя о заключении лицензионного договора. В связи с этим, данные соглашения должны считаться ничтожными (недействительными), так как письменная форма не соблюдена [3].

По мнению Волос Е.П. [4] такое соответствие имеет место. В обоснование своей позиции он приводит положения, закрепленные в п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ. При заключении соглашения «click-wrap» имеет место предложение о заключении договора, исходящее от провайдера или правообладателя [5]. Такое предложение излагается в письменной форме и может расцениваться как оферта, так как в нем содержится указание на юридически обязывающий характер и намерение субъекта, направившего оферту, считать себя связанным им при его акцепте пользователем. В связи с тем, что соглашение содержит указание на то, что, нажимая на кнопку «я согласен», пользователь выражает свое согласие с договорными условиями, то совершение таких действий можно рассматривать как действия по выполнению условий, указанных в оферте (т. е. как акцепт письменной оферты конклюдентными действиями) [6].

Таким образом, главная загвоздка здесь в вопросе о квалификации соответствующих действий правообладателя, подрядчика, исполнителя, продавца, именно как письменной оферты.

Обратим внимание на то, что наличие письменной оферты при заключении click-wrap-соглашений не подлежит опариванию, если такое предложение соответствует признакам ст. 435 ГК РФ, то есть является достаточно определенным, выражает намерение оферента считать себя заключившим договор с пользователем, принявшим предложение, а также содержит в тексте существенные условия договора.

Как правило, подобные контракты квалифицируются в качестве договоров, заключенных в письменной форме в соответствии с п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ.

В случае с совершением сделок по модели browse-wrap (web-wrap) ситуация осложняется тем, что пользователем не выражается прямого (явного) согласия с предложенными условиями. В значительной степени это зависит от способа визуализации соответствующих данных на интернет-сайте, поэтому действия пользователя не в каждом случае расцениваются как акцепт. Таким образом, вряд ли можно говорить о возможности определения общего правила о соответствии либо несоответствии таких соглашений требованию о письменной форме сделки. Решить данный вопрос можно только с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

В рассматриваемом положении национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» содержится фраза «регулирование статуса совершаемых в письменной (электронной) форме сделок». Данная формулировка порождает вопросы, касающиеся правового режима соответствующих сделок и соотношения электронной и письменной формы. Можно ли рассматривать электронную форму сделок в качестве самостоятельной? Либо она является подвидом письменной формы? Если электронная форма – подвид письменной формы, то исходя из автономного способа вместе с ст.ст. 160 ГК РФ и 434 ГК РФ? Или это новая разновидность реализации фикции письменной формы, предусмотримой п. 3 ст. 434 ГК РФ?

Повсеместный переход к электронному документообороту требует надлежащего правового регулирования. Данная задача постепенно решается и в России, и в международной практике. Следовательно, при решении рассматриваемого вопроса целесообразно учитывать иностранную и международную практику, отраженную в унифицированных документах частного права.

В ст. 8 Конвенции ООН «Об использовании элек-

тронных сообщений в международных договорах» (была принята резолюцией Генассамблеи ООН 60/21 от 23.11.2005 года) указано, что договор или сообщение не могут считаться недействительными на том основании, что они имеют форму электронного сообщения [7]. Конвенция ООН не содержит требований, обязывающих стороны использовать электронные сообщения и принимать их. Однако согласие на это может быть выведено из поведения стороны.

В ст. 9 Конвенции ООН указывается, что сделки, совершаемые с помощью электронных сообщений, квалифицируются в качестве разновидности письменной формы сделок. Если национальным законодательством установлено требование о письменной форме договора, то данное требование считается соблюденным путем представления электронного сообщения, если содержащиеся в нем данные доступны для дальнейшего использования.

В Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле от 1996 года используется понятие «data message» («сообщение данных»). Это понятие трактуется как информация, подготовленная, хранимая, полученная или отправленная при помощи оптических, электронных и иных аналогичных средств, включая электронный обмен данными, телефакс, телекс, телеграмму, электронную почту и т. д. [8]

В ст. 11 Типового закона ЮНСИТРАЛ отмечается, что, если сторонами не определено что-либо иное, то оферта и ее акцепт могут быть произведены посредством сообщения данных. В таком случае договор будет считаться действительным.

По поводу письменной формы в ст. 6 рассматриваемого закона закреплено правило, согласно которому, когда национальное законодательство содержит требование об обязательном представлении информации в письменной форме, данное требование будет считаться выполненным посредством сообщения данных, если такие данные являются доступными для дальнейшего использования.

Модельные правила европейского частного права (Draft of Common Frame of Reference, DCFR) не содержат упоминания об электронных сообщениях. В этом документе раскрыто понятие «электронная подпись», под которой предлагается понимать информацию, закрепленную в электронной форме (которая присоединена к другим данным и логически объединена с иными сведениями в электронной форме), используемую в качестве способа идентификации (1-1:107(3)). Слово «электронный» используется в контексте оптических, беспроводных, магнитных, цифровых, электронных, электромагнитных и аналогичных технических возможностей (1-1:107(5)). [9]

В Модельных правилах отдельно указывается на то, что, если договор должен быть заключен посредством электронных средств, то сторона, которая предложила условия, не согласованные специально, вправе ссылаться на них в отношениях со своим контрагентом, если данные условия были доведены до него в текстовой форме (11-9:103 (2)). В рассматриваемом акте также отмечается, что заявление будет признано имеющим письменную форму, если оно сформировано в форме текста, состоящего из знаков, разборчиво изображенных на любом материальном носителе (1-1:106). В ст. 1-1:106 Модельного закона раскрывается категория материального носителя и текстовой формы. Под материальным носителем подразумевается носитель, на котором информация сохраняется с условием обеспечения возможности ознакомления с ней в будущем, а также ее воспроизводимость в неизменном виде. Текстовая форма – это текст, выраженный при помощи букв алфавита и других печатных знаков, позволяющих прочесть, записать и воспроизвести на материальном носителе информацию, которая содержится в тексте [10].

На основании обзора международных правовых до-

кументов приходим к выводу, что в качестве ключевого критерия соответствия информации в электронной форме требованиям письменной формы выступает воспроизводимость и доступность информации для дальнейшего использования.

Понятие «электронная форма сделки» встречается в национальном законодательстве некоторых стран. Так, в национальном законодательстве Сингапура отражены подходы, закрепленные в Конвенции ООН и Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Акт об электронных транзакциях от 2010 года (The Electronic Transactions Act, ETA) содержит понятие «electronic record» («электронная запись», «электронный документ»). Понятие «электронная форма сделки» в данном акте не используется [11].

В Соединенных Штатах модельные подходы отражены в Единообразном законе США от 1999 года об электронных сделках. В соответствии с этим законом, стороны могут согласовать использование «electronic form» (электронной формы), электронных средств безопасности, электронной подписи и установить содержание сделки [12].

Исходя из § 126a (Elektronische Form) Германского гражданского уложения (ГГУ), сделки, в отношении которых установлено требование о соблюдении письменной формы, могут совершаться в электронной форме и подписываться квалифицированной электронной подписью. В § 312с ГГУ предусмотрена возможность заключения сделок дистанционным способом.

Вопрос, связанный с регламентацией порядка совершения сделок с использованием цифровых технологий, решался в ходе рассмотрения законопроекта № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенного в Госдуму РФ 26.03.2018 года. В настоящее время соответствующий закон принят и вступил в силу 01.10.2019 года (Закон № 34-ФЗ от 18.03.2019 г.).

Указанный законопроект дорабатывался и корректировался на разных этапах его рассмотрения. Например, в ходе второго чтения были учтены существенные замечания, отраженные в заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 17.01.2019 г..

Положения п. 1 ст. 160 ГК РФ были дополнены абз. 2, где указывается, что письменная форма сделки будет считаться соблюденной и в случае совершения лицом сделки при помощи электронных и других технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки (договора) на материальном носителе в исходном (неизменном) виде [7]. Требование о наличии подписи будет считаться исполненным при использовании любого способа, позволяющего достоверно определить субъекта, выразившего волю. При этом законом, соглашением сторон или нормативно-правовыми актами может предусматриваться специальный способ достоверного определения субъекта, выразившего волю.

Примечательно, что в окончательном варианте закона отражена формулировка, характеризующая соответствующие технические средства как такие, которые позволяют воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде. Именно это положение обладает огромным значением для недопущения нарушения прав участников оборота, включая потребителей. Решение законодателя включить данное положение в закон в полной мере отвечает положениям международных документов, которые были рассмотрены выше [5].

Но в окончательном варианте Закона не было учтено замечание, указанное в вышеупомянутом заключении Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства о том, что не вполне понятно, что следует понимать под терминами «электронными» и «аналогичными» техническими средствами.

По поводу требования о наличии подписи («использован любой способ, позволяющий достоверно опреде-

лить лицо, выразившее волю; законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю») отметим, что системность данного решения, по всей видимости, будет завершена после совершенствования закона об идентификации. Представляется, что совершенствование данного закона будет происходить на основе законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» [11]. Предлагается дополнить этим законопроектом положения Закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятиями «идентификатор», «идентификация, аутентификация лица»; ввести понятие «цифрового профиля» и его регулирование; внести ряд корреспондирующих изменений в другие федеральные законы (например, в Закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», Закон «О персональных данных», Закон «О связи»).

Некоторые изменения были внесены и в п. 2 ст. 434 ГК РФ. Теперь здесь указано, что заключение договора в письменной форме возможно путем составления одного документа, подписанного сторонами (в т. ч. электронного), либо путем обмена телеграммами, письмами, электронными документами и иными данными в согласии с правилами, закрепленными в абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Из предыдущей редакции описания обмена документами законодатель исключил телефаксы и телексы, которые уже почти не используются на практике, а также термин «электронный документ».

В соответствии с содержанием абз. 2 п. 2 ст. 434 ГК РФ (в ред. Закона № 42-ФЗ от 08.03.2015 года), утратившего силу 01.10.2019 г., электронный документ, передаваемый по каналам связи – это данные, подготовленные, хранимые, полученные или отправленные при помощи оптических, магнитных, электронных и других аналоговичных средств, в т. ч. обмен информацией в электронном виде и через электронную почту.

Начиная с 01.10.2019 года, при толковании положений гражданского законодательства об электронных документах, которых стало больше, необходимо руководствоваться положениями Закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Под электронным документом здесь понимается документированная информация, которая представлена в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для человеческого восприятия с использованием электронных и технических средств, а также для обработки в информационной системе и передачи по информационно-телекоммуникационной сети (п. 11.1 ст. 2 Закона № 149-ФЗ).

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Основываясь на вышесказанном, приходим к выводу, что российский законодатель решил отказаться от ранее предложенного подхода о выделении специальной категории «электронная форма сделки» (известной американскому и германскому праву). Как можем видеть, были восприняты подходы, отраженные в Типовом законе ЮНСИТРАЛ и в Конвенции ООН. Был введен еще один случай фикции письменной формы договора, так как при заключении сделок при помощи технических и электронных средств такая форма только «считается соблюденной». Решить этот вопрос можно путем внесения дополнений в п. 3 ст. 438 ГК РФ. Данный пункт может быть дополнен нормой, согласно которой, акцептом может считаться, как исполнение договора, так и совершение других указанных в оферте действий (включая акцепт в электронном виде). Но решение, принятое законодателем, в большей степени отвечает интересам стабильности подобных сделок, так как снимает возможный аргумент о спорности природы оферты в электронной форме как письменной.

Таким образом, по итогам проведенных изменений

гражданского законодательства о письменной форме сделки предусмотрено две ее вариации (обмен документами и один документ, подписанный сторонами), а также две основные фикции письменной формы (совершение сделки при помощи технических или электронных средств; акцепт действием на письменную оферту).

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. Таким образом, внесенные в 2019 году изменения в гражданское законодательство в части регулирования смарт-контрактов позволяют констатировать факт трансформации договорного права. В настоящее время паспортом национальной программы «Цифровая экономика» предусматривается внесение изменений в отраслевое законодательство (например, банковское, финансовое) в части договорного регулирования. При их принятии необходимо отслеживать изменение тенденций (в т.ч. в деловой практике) с целью формирования эффективного регулирования договорных отношений. Указанное должно стать предметом последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Goncharov A.I., Goncharova M.V. Digital tokens in the tools of modern foreign trade activities by economic entities of the brics jurisdictions // *Legal Concept*. 2019. Т. 18. № 3. С. 31-42.
2. Бирюкова М.И., Белоусов А.П. Правовые риски использования смарт-контрактов в банковской деятельности // *Вектор экономики*. 2019. № 11 (41). С. 60.
3. Волос А.А. К вопросу о правовом значении смарт-контрактов // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2019. № 3. С. 67-71.
4. Волос Е.П. К вопросу о применении смарт-контрактов в различных сферах // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 3 (40). С. 105-110.
5. Голикова Е.А. Смарт-контракт как новый механизм организации договорных отношений // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 4: Промышленные технологии*. 2019. № 1. С. 18-19.
6. Ивлев Д.И. Последствия внедрения цифровых прав в Российской Федерации // *Образование и право*. 2019. № 9. С. 46-49.
7. Камалян В.М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов // *Юрист*. 2019. № 4. С. 20-27.
8. Кувшинова В.В., Дарсавелидзе И.В. Цифровые инновации в экономике: социально-правовые аспекты // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2019. № 4 (45). С. 57-64.
9. Новиков Р.В. К вопросу о понятии и сфере применения смарт-контрактов // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 431-440.
10. Сафаргалеев Л.И. Смарт-контракт - программный код, а не договор // *Хозяйство и право*. 2019. № 5 (508). С. 21-34.
11. Шапсугова М.Д. Обзор основных подходов к пониманию правовой природы смарт-контракта // *Финансовая экономика*. 2019. № 9. С. 417-422.
12. Юламанова А.А. Правовые проблемы заключения и исполнения смарт-контрактов // *Юридический факт*. 2019. № 50. С. 24-28.

Статья поступила в редакцию 04.04.2020

Статья принята к публикации 27.08.2020